

Улица Анархии, Гостиница «Кок Доре», комната 207.

Люмиан бросил на стол мятую газету и рухнул на кровать.

Через пару мгновений он развалился на матрасе. По телу растеклась усталость, и сопротивляться желанию поспать было почти невозможно.

Каждый день обновлялись его тело и психическое состояние, но не разум.

Он слишком устал, чтобы раздеваться, поэтому, лишь скинув кожаные ботинки, закрыл глаза.

Люмиан крепко спал, ему ничего не снилось.

Его разбудил едкий запах серы. За окном еще заходило солнце.

Люмиан повернул голову, чтобы посмотреть на оконное стекло, окрашенное в золотисто-красный цвет, и с сарказмом прошептал:

— Неужели я проспал целый день?

Это, конечно, было невозможно. Он всегда просыпался в шесть утра.

Хотя некролог помог ему выплеснуть печаль, скопившуюся в сердце, Люмиан все еще чувствовал себя немного подавленным.

Он знал, что скорбь не исчезнет просто так, и боль обязательно вернется. Ему нужно было сохранить стабильное психическое состояние и, не впадая в саморазрушение, справиться со своими эмоциями.

Что же касается экстремальных, безумных, самоубийственных наклонностей — он смирился с тем, что это неизбежно, главное, чтобы они не были слишком сильными.

«В будущем мне нужно будет регулярно посещать психиатра, — подумал Люмиан. — Иначе я окончательно сойду с ума, прежде чем отомщу и найду способ вернуть Орор».

Он вздохнул и встал с постели.

Взяв в руки мятый «Еженедельник романиста», он снова посмотрел на некролог на первой странице, стараясь пробудить в сердце знакомую боль.

И тут Люмиан заметил кое-что.

Эта газета была прошлой недели.

Газетчик продал ему старую газету!

«Не может быть, — нахмурился Люмиан. — Газетчик не станет хранить экземпляр газеты, который не смог продать...»

Это странное совпадение он объяснить не мог.

Он вспомнил слова психиатра Сьюзи:

— Часто бывает так, что подавлять боль и отчаяние бесполезно. Людям нужно давать выход эмоциям, снимать стресс.

Внезапно Люмиан все понял.

Это было частью его психиатрического лечения!

«Мадам Сьюзи сначала определила, что мое психическое состояние нестабильно, и у меня сильная склонность к самоуничтожению, — подумал он. — Затем она использовала надежду на то, что Орор можно вернуть, в качестве первой консультации. И наконец, пока я упивался своей болью, она организовала все так, чтобы газетчик продал мне газету недельной давности с некрологом. Она разрушила мою защиту с помощью неопровержимых фактов, позволив мне выплеснуть боль и отчаяние, которые я запрятал глубоко внутри...»

Поняв это, он был благодарен судьбе за то, что встретил такого опытного и профессионального психиатра. Без нее выбраться из этой трясины было бы практически невозможно.

Взгляд Люмиана упал на нескольких клопов, которые пробирались в его комнату.

Острый нюх подсказал ему, что в соседней комнате жгут серу, чтобы отпугнуть клопов, но насекомые в основном разбегаются кто куда.

Люмиан усмехнулся, представив, как он и его сосед невольно «атакуют» друг друга, загоняя клопов в комнаты соседа. Он надел кожаные ботинки и вышел из комнаты 207, направляясь к 206-й.

На третьем этаже Гостиницы «Кок Доре», расположенном в переулке за улицей Анархии, уборная находилась между комнатами 201—204. Напротив 204-й была еще одна уборная, а с

другой стороны — комнаты 205—208. По обе стороны коридора находился просторный балкон. На четвертом, пятом и шестом этажах было по десять комнат и по две уборные.

Тук-тук-тук! Люмиан постучал в дверь комнаты 206.

— Кто там? — послышался из-за двери слегка взволнованный голос.

— Я из 207-й, сосед, — с усмешкой ответил Люмиан. — Хотел познакомиться.

Спустя мгновение дверь со скрипом открылась, и перед Люмианом предстал долговязый молодой человек.

Ростом он был чуть больше 1 м 70 см, на нем были выцветшая льняная рубашка и черные подтяжки. На носу сидели огромные очки в черной оправе, а растрепанные, сальные каштановые волосы выглядели так, словно их не мыли несколько дней. В темно-карих глазах читалась настороженность.

— Чем могу помочь? — спросил он.

— Я тут на какое-то время задержусь, вот и решил познакомиться с соседями, — Люмиан улыбнулся и протянул правую руку. — Как тебя зовут?

Молодой человек, немного поколебавшись, пожал руку Люмиана.

— Габриэль. А тебя?

— Сиэль, — Люмиан с притворным любопытством посмотрел в комнату 206. — А чего ты серу жжешь? Уже вечер, пора ужинать.

— Я — драматург, — Габриэль поправил очки и криво улыбнулся. — Собираюсь всю ночь писать.

— Писатель? — Люмиан поднес руку к подбородку, отказавшись от идеи разыграть соседа, чтобы разрядить обстановку.

— Вообще-то, драматург, — уточнил Габриэль. — Пишу пьесы для театров.

— Звучит впечатляюще, — искренне похвалил его Люмиан. — Я восхищаюсь теми, кто умеет писать истории. Мой кумир — писательница.

— Я вложил всю душу в свой последний сценарий, — Габриэль, польщенный похвалой и

искренним выражением лица Люмиана, почесал свои грязные каштановые волосы и вздохнул. — Думаю, он не хуже классических произведений. Но ни один театральный менеджер не хочет дать ему шанс.

— Приходится выполнять заказы бульварных газет, строчить банальные истории, чтобы платить за жилье и не умереть с голоду. Вот и сейчас я дописываю одну такую рукопись. Редакторам нужны лишь пикантные сцены с участием женских персонажей. Их читателям только этого и надо...

Возможно, задев душевную рану, Габриэль невольно поделился своими проблемами.

— Я читал много биографий и интервью писателей, — с искренним сочувствием ответил Люмиан. — Большинство из них прошли через трудности, жили в дешевых гостиницах или тесных мансардах. Я верю, что ты найдешь того, кто оценит твою работу и поможет тебе стать известным драматургом.

— Ты второй человек, который меня поддерживает, — Габриэль снял очки и потер лицо. — Все остальные смеются над моими мечтами, говорят, что я оторван от реальности.

«Если бы твоя профессия не была схожа с профессией Орор, я бы тоже над тобой посмеялся, — подумал Люмиан. — И моя насмешка была бы куда более жестокой...»

— А кто был первым? — с любопытством спросил он.

— Мисс Серафина из комнаты 309, — Габриэль посмотрел на потолок. — Она — натурщица. Уже несколько дней ее не видно. Наверное, съехала.

«Та самая натурщица, о которой говорили Рюр с женой?» — Люмиан кивнул.

— Может, выпьем в баре? — предложил он.

Габриэль очень хотел, но в итоге отказался:

— В другой раз. Мне завтра нужно сдать рукопись.

— Ладно, — Люмиан махнул рукой и вернулся в свою комнату.

Взглянув в окно на оживленную улицу Анархии, Люмиан решил найти какой-нибудь ресторан и насладиться кулинарными изысками Трира.

— Ублюдок! Свинья! — вдруг раздался сверху пронзительный женский голос. — Твою мать

дьявол породил!...

Ругань резко оборвалась, словно ее насильно заставили замолчать.

Люмиан встревожился и распахнул окно.

— Если ты так любишь женщин, почему бы тебе не пойти к своей матери?!

На этот раз Люмиан определил, что голос доносится с пятого этажа.

«Мисс Этанс, которую заставили заниматься проституцией?» — он вспомнил о том, что говорил Шарль. А это значит, что Марго, главарь Банды Ядовитой Шпоры, пришел со своими людьми, чтобы получить свою долю.

В Республике Интис было два вида проституток: зарегистрированные, которые работали в таких местах, как улица Мурай и улица Бреда, и незарегистрированные, которые занимались этим нелегально. Последних было в десять, а то и в двадцать раз больше, чем первых. Они не платили налоги, и их бизнес не мог существовать без ведома властей.

Немного подумав, Люмиан надел темный костюм и вышел в коридор. Он встал между комнатами 202 и 203, где была лестница, ведущая наверх.

Люмиан достал дешевый одеколон, купленный в Бигорре, и собирался вылить его на деревянные ступеньки, чтобы Марго с людьми наступили на него, когда будут проходить мимо.

Не зная, когда Монсурийский призрак снова нападет, Люмиан отчаянно пытался найти свою жертву и завершить обмен судьбами.

Спустя мгновение он отказался от идеи вылить одеколон прямо так. Он решил сделать это незаметно, чтобы не попасть под действие какой-нибудь потусторонней силы.

Люмиан ослабил крышку, притворившись, что неловко уронил толстую стеклянную бутылку, не сумев как следует удержать ее в руке.

Со звуком бьющегося стекла бутылка с одеколоном ударилась о нижнюю ступеньку, немного жидкости вытекло, и в воздухе распространился резкий запах.

Люмиан присел, изобразив досаду, поднял бутылку и закрутил крышку.

Он размазал пролитый одеколон по ладони и, чтобы не тратить его зря, потер им свое тело.

Вскоре большая часть жидкости испарилась, а ночной ветерок, ворвавшись на балкон, развеял остатки запаха. Лишь после этого Люмиан вернулся в комнату 207. Он спрятался у двери, наблюдая за лестничной площадкой.

Больше десяти минут спустя сверху слышались шаги.

К этому времени запах одеколона в коридоре уже почти выветрился.

По лестнице спускался худощавый мужчина, за которым следовали четверо.

У него были коротко остриженные светлые волосы, узкие голубые глаза, прямой нос, тонкие губы, а на лице виднелись шрамы. На нем были красная рубашка и темный кожаный жилет. Мужчина, предположительно, Марго, держа руки в карманах молочно-белых брюк, шаг за шагом спускался вниз.

На левом бедре у него был замечен бугор — там, скорее всего, было спрятано оружие. На ногах — кожаные ботинки без шнурков.

Внезапно мужчина нахмурился и ловко перепрыгнул через две ступеньки и участок коридора второго этажа, где был пролит одеколон. Трое бандитов, которые шли за ним, не заметили ничего необычного и наступили на остатки жидкости.

Люмиан почувствовал, как у него заколотилось сердце.

«Неужели Марго обладает обостренным обонянием и боится запачкаться чем-то странным?»

<http://tl.rulate.ru/book/85594/4643223>